

Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости.

(Письма изъ деревни въ городъ).

I.

29 мая 1879 г.

Вы не можете себя представить какъ я счастлива—вокругъ меня толпится 30 деревенскихъ дѣтей, приведенныхъ самими родителями съ земными поклонами, просьбами и приношеніями. И какъ все это случилось просто и неожиданно для меня самой. Вы знаете, что проживая въ прошлое лѣто въ деревнѣ, я ни разу не позволила себѣ заговорить о школѣ, не смотря на непреодолимое желаніе, мнѣ казалось это преждевременнымъ, я боялась спугнуть этотъ не прирученный къ мысли о школѣ народъ, мнѣ казалось, что сперва необходимо обласкать его и чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь, по мѣрѣ возможности, помочь ему въ его повседневныхъ нуждахъ и лишеніяхъ. Сближеніе это рисовалось мнѣ не въ разговорахъ на темы чуждыя народу, не въ проповѣдяхъ на непонятномъ языкѣ, я желала только, чтобы этотъ деревенскій людъ повѣрилъ, что можетъ встрѣтиться человекъ и „изъ панівъ“, какъ онъ смотритъ на насъ, который готовъ помочь ему. Стремленія мои выразились въ томъ, что я стала лѣчить больныхъ; перевязывала раны, завела походный самоварчикъ, который

путешествовалъ изъ хаты въ хату, гдѣ оказывался больной, желающій напитокъ чайку, навѣщала родильницъ, ласкала дѣтокъ, однимъ словомъ, дѣлала все то, что всегда дѣлала и прежде, очутившись лѣтомъ въ деревнѣ среди горячаго люда. Когда мы уѣзжали изъ деревни, насъ провожали благословіями и слезами. Все это меня чрезвычайно трогало и я давала себѣ слово въ слѣдующемъ году, по пріѣздѣ сюда, тотчасъ же заговорить о школѣ.

Случай представился прекрасный: знакомый мужикъ-портной, снимая мѣрку съ нашего Миколы, сказалъ: „И у меня такой хлопчикъ и какъ желаетъ учиться, да нигдѣ школы нѣтъ!“ Я предложила, чтобы 6-ти лѣтній Саша ходилъ ко мнѣ, а за нимъ потянулись разные Лукаши, Маруси, Мануйлы и т. д. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ народа, къ тому, въ чомъ воплощается для него идеалъ добра, правды и справедливости, я, обмывши и причесавши этихъ грязныхъ дѣтокъ, приступила прежде всего къ изученію, разъясненію и пѣнію молитвы: „Отче нашъ!“ Матери, слушая пѣніе своихъ птенцовъ, умилялись и плакали, да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было не умилиться, глядя на этихъ крошекъ, поющихъ: „Хлѣбъ нашъ насущный“. Впрочемъ, не думайте, что всѣ уже у насъ крошки, что намъ отдали только „На тобѣ Бо-

же, що мині не гоже!“, т. е. дѣтей неспособныхъ еще къ работѣ, нѣтъ: есть у насъ Романъ Поповъ 13 лѣтъ, онъ работалъ на шахтѣ, получалъ 6 руб. и родные отняли его отъ работы, чтобы сдѣлать грамотнымъ, есть и другой мальчикъ 12 л., онъ пасъ нашихъ воловъ и получалъ 3 р. и его отдали, и это не 2, не 3, а, пожалуй, половина. Это можно считать уже фактическимъ сочувствіемъ къ школѣ и основательно радоваться этому особенно въ виду скептиковъ, утверждающихъ, что народъ чуть не изъ подъ палки нужно гнать въ школу.

Была я уже у П., хлопочу о разрѣшеніи, чтобы все это было оформлено, какъ подобаетъ. Выписала изъ Петербурга портретъ Государя, а изъ Харькова книги и учебныя пособія.

Счастливая своимъ успѣхомъ Х. А.

Р. S. Я должна признаться, что, до сихъ поръ сомнѣнія относительно того: пошлютъ ли крестьяне дѣтей учиться, не мало мучили меня. Мнѣ думалось: вѣдь мы знаемъ народъ по книгамъ, по „Отечественнымъ Запискамъ“ и разсказамъ Глѣба Успенскаго, а они—помѣщики старожилы прожили съ нимъ вѣкъ. Что, если мы съ своими книжными симпатіями останемся въ дуракахъ, а они—практики восторжествуютъ съ своимъ закоренѣлымъ скептицизмомъ. Опытъ удался и я теперь спокойна и счастлива.

II.

3 іюля 1879 г.

„Бѣдная я, бѣдная! Гдѣ моя радость? Гдѣ моя увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ умѣннѣ вести дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ?“ Пожалѣйте меня! Вотъ что случилось: покончивши занятія сегодня утромъ, мы долго толковали съ племянницей о томъ, когда наши дѣти окончатъ азбуку: „Къ 1-му августу непременно!“ говорила я самонадѣянно!. Но предсказанію моему не суждено было осуществиться: въ тотъ же день послѣ обѣда мы услышали колокольчикъ и увидѣли становаго быстро направляющагося къ нашимъ воротамъ. Войдя, онъ подаль мнѣ бумагу отъ инспектора къ полиціи, въ которой значилось приблизительно слѣдующее:

„По частнымъ слухамъ, до меня дошло, что какая то женщина между Михайловкой и Селизневкой занимается неразрѣшоннымъ обученіемъ дѣтей. Прошу произвести слѣдствіе и поступить по закону“.

Въ первую минуту по прочтеніи этой бумаги у меня потемнѣло въ глазахъ, затѣмъ, силясь призвать на помощь присутствіе духа, я подошла къ письменному столу, достала всѣ свои бумаги, т. е. „свидѣтельство на право преподаванія“, „назначеніе меня распорядительницей воскресной школы“, „благодарность города“, „извѣщеніе о

царскомъ подаркѣ“, наконецъ, приготовленное уже на имя инспектора прошеніе въ пакетѣ и съ маркой, и, молча, подала все это полицейскому чиновнику. Внимательно пересмотрѣвъ все это, онъ презрительно отодвинулъ отъ себя бумаги и замѣтилъ: „Все это имѣло значеніе тамъ—въ Харьковѣ, а теперь вы въ екатеринославской губерніи... Потрудитесь взять перо и писать то, что я вамъ продиктую. Я машинально повиновалась, смутно припоминая, что неповиновеніе полиціи ведетъ къ какимъ то новымъ карамъ. Въ вискахъ у меня стучало, руки дрожали и мнѣ невыносимо досадно было на то, зачѣмъ онъ дрожатъ и выдаютъ мое душевное волненіе—вѣдь можно предположить, глядя на меня, Богъ знаетъ что такое, но досада еще болѣе вредила дѣлу, я чувствовала, что лицо, мое покрылось пятнами и представляло собою, вѣроятно, такой жалкій видъ, что даже полицейскій чиновникъ проникся, повидимому, состраданіемъ и сказалъ мнѣ съ чувствомъ соболѣзнованія и покровительства:

„Вы не безпокойтесь! Это ничего! Потребуютъ васъ къ мировому судѣ, взыщутъ 50 коп. штрафа и только!“

Затѣмъ онъ началъ диктовать мнѣ слѣдующее: „3-го іюля 1879 года я дала сію подписку въ томъ....

— Позвольте, остановила я его, не смотря на весь упадокъ духа, скажите

мнѣ впередъ на словахъ „въ чомъ именно?“.

„Вы сейчасъ увидите, потрудитесь писать!“ замѣтилъ онъ мягко, но настойчиво. Я тоже настойчиво положила перо и сказала:

— „Я непременно хочу знать въ чомъ именно!“.

„Въ томъ, продолжалъ онъ, какъ бы диктуя, что открывъ школу безъ разрѣшенія начальства“....—Я не могу на это согласиться, возразила я твердо, это не школа, а простое обученіе грамотѣ на дому—и я показала ему „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“. Начались новыя пререканія на ту же тему. Въ концѣ концовъ онъ согласился однако на такую росписку:

„1879 г. іюля 3-го дня, я нижеподписавшаяся жена купца-землевладельца славяносербскаго уѣзда Х. Д. Алчевская даю сію подписку г. приставу 2 стана славяносербскаго уѣзда въ томъ, что обученіе дѣтей первоначальной грамотѣ на дому въ дер. Алексѣевкѣ Михайловской волости, которымъ занималась я на основаніи примѣчанія къ ст. второй Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., что „простое обученіе грамотѣ на дому дозволяется безъ разрѣшенія училищнаго совѣта“, впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства обязуюсь прекратить. Причѣмъ считаю необходимымъ

добавить, что съ 1-го іюня по 3-е іюля, занимался обученіемъ дѣтей безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, я имѣла въ виду просить въ непродолжительномъ времени училищный совѣтъ о дозволеніи открыть школу въ Михайловской волости“.

Бѣдныя дѣти! Какъ скажу я имъ завтра, чтобы они расходились по домамъ? Что поймутъ они изъ всего этого? Что подумаютъ ихъ родители?

Х. А.

Отрывки изъ дневника.

4-го іюля.

Ночь провела, послѣ всѣхъ этихъ передрагъ, отвратительно—въ жару, въ слезахъ и въ бреду. Боялись горячки, прикладывали къ головѣ холодные компрессы и горчишники. Бредила, говорить, тѣмъ, что меня ведутъ къ мировому судѣ выдавать „волчій билетъ“ и все просила отыскать мнѣ такое платье, въ которомъ бы я не походила на социалистку.

5-го іюля.

Мнѣ казалось невыносимымъ самой отказывать дѣтямъ и я, поручивши это домашнимъ, рѣшила уѣхать въ Бахмутъ къ инспектору съ прошеніемъ. Измученная физически и нравственно, съ сильнѣйшей болью въ головѣ и въ печени и съ запоздавшимъ прошеніемъ

къ инспектору въ рукахъ, садилась я въ вагонъ. Доѣхавши до желанной станціи, я встрѣтила его жену. Она выѣхала встрѣчать мужа на вокзалъ въ сопровожденіи какого то усача кавалера, но г-на П—ва не оказалось въ поѣздѣ. Г-жа П—ва измѣрила меня надменнымъ взглядомъ. Измученная до послѣдней крайности я униженно подала ей прошеніе и все просила о чемъ то, о чемъ, я не могла потомъ припомнить, а она, пуская въ сторону дымъ папироски, и прищуривши презрительно глазки, повторяла съ тупостью и безсердечіемъ попугая: „Онъ все сдѣлаетъ, что можно по закону! все, что можно по закону!“

6-го іюля.

Мнѣ сообщили, что становой, уѣзжая, просилъ передать мнѣ, чтобы я прекратила лѣченіе больныхъ, что это также воспрещено закономъ. Я шла въ больницу, низко опустивъ голову, на порогѣ меня ждала женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, одна изъ матерей ребенка, учащагося въ школѣ.

Я осмотрѣла прѣющаго ребенка и, подавая ей коробочку съ присыпкой, сказала: этого вамъ надолго хватитъ, такъ что, если и закроютъ больницу, какъ грозился становой, то и тогда достанетъ.

Женщина пришла въ полное негодованіе:

„Проклятые! проклятые! говорила она, судорожно сжимая кулакъ и сверкая глазами, небось не запрещають жидамъ проклятымъ открывать шинки и обирать народъ, а напoлся добрый человекъ, такъ они къ нему придираются!... Чтожъ мы скоты, чтобы пропадать безграмотными, собаки, чтобы сгнивать безъ пособія отъ болячекъ?“...

Я не рада была, что заговорила съ нею и боязливо смотрѣла кругомъ не слышитъ ли насъ кто-нибудь.

7-го іюля.

5-й день, какъ дѣла находятся въ томъ же напряженномъ состояніи и я больше всего боюсь своего наступившаго равнодушія; чтó, если оно хроническое? Бываютъ минуты, когда все это мнѣ кажется какой то глупой комедіей, но бываютъ, впрочемъ, и другія минуты. Возвращаясь сегодня изъ больницы съ тѣмъ тупымъ равнодушіемъ въ душѣ, котораго я такъ боюсь, я встрѣтила на улицѣ, въ 1-й разъ послѣ закрытія школы, свою любимицу Марусю Товстенку. Дѣвочка низко поклонилась мнѣ и остановилась, какъ бы выжидая отъ меня чего то и глядя въ упоръ своими умными, сѣрыми глазами, я тоже остановилась, желая сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ и вдругъ неудержимый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ, я послѣшила домой и горько, судорожно рыда-

ла. Мнѣ казалось, что все бы ничего, но самое жалкое—эти разогнанные дѣти, недоучившія азбуки; вѣдь они, забывая по немножку каждый день, забудутъ все, чему выучились, пока получится разрѣшеніе; какъ этого не понять имъ—лицамъ призваннымъ вникать въ дѣло народнаго образованія? Почему бы не пріѣхать сюда, хотя бы инспектору и не провѣрить на мѣстѣ, что здѣсь дѣлается, чѣмъ здѣсь занимаются. А что, если бы въ самомъ дѣлѣ дѣло было не чисто? Что же тогда? За что же, наконецъ, наказывать Марусю, Лукаша? Ну пусть меня къ мировому судѣ, я должна была предвидѣть послѣдствія, думать о формальностяхъ, но ихъ за что же?.....

Слезы облегчили меня, но..... надолго ли?

8-го іюля.

Я сидѣла задумавшись въ саду и вдругъ почувствовала близко возлѣ себя чье то присутствіе. Я оглянулась. За мною стояла Мотя—одна изъ наиболѣе застѣнчивыхъ ученицъ. Она видимо собиралась съ силами, чтобы говорить что то и не рѣшалась. „Что, Мотя? Что хочешь сказать?“ сказала я ласково. Она оглянулась нѣтъ ли кого близко, наклонилась къ моему уху и прошептала: „Христина Даниловна! Учите меня потихоньку. Я никому, никому не скажу!“

Въ эту минуту кто то показался на большой аллеѣ. Дѣвочка опрометью бросилась къ калиткѣ и скрылась.

„Бѣдное дитя!“ подумала я, глядя ей въ слѣдъ.

9-го іюля

Мы шли кататься на лодку. На встрѣчу намъ попались двѣ дѣвочки-ученицы нашей школы. По ихъ запыленнымъ одеждамъ и узелкамъ можно было предположить, что онѣ возвращаются изъ дальняго путешествія. „Откуда вы?“ спросила я. „У ворожеи были, гадали откроютъ ли школу или нѣтъ?“ „Что же вышло?“ спросила я, грустно улыбаясь.

— Сказала: будетъ, но не скоро!—отвѣчали печально дѣти.

Мнѣ нечѣмъ было утѣшить ихъ, я только думала: пожалуй ворожея права даже въ самомъ обширномъ смыслѣ: „будетъ у насъ школа, но не скоро!“

10-го іюля.

Вчера я встрѣтила одну изъ матерей. Она просила меня зайти къ больной родильницѣ. Я велѣла запречь лошадь и мы поѣхали вмѣстѣ въ Михайловку. Дорогою женщина рассказывала мнѣ безъ умолку о своей единственной дочери—Пашѣ. Она говорила, какъ та только проснется хватается за

азбуку и цѣлый день то читаетъ, то пишетъ, какъ молится по утру—каждое утро: „Пошли, Господи, что бы скорѣе открылась школа!“ и какъ вчера она горько плакала подъ заборчикомъ возлѣ хаты. „Я просто перепугалась до смерти“, говорила женщина, думала, или ногу она себя выбила или руку, спрашиваю: „Паша! чего ты“, а она:—„Развѣ не слыхали, говорятъ Х. Д. купили Васильевку и переѣдутъ туда жить!“—и опять въ голосъ. Просто ничѣмъ не могла утѣшить. Наконецъ говорю ей: дурочка! можетъ это еще и неправда! Мало ли, что люди брешутъ. Она задумалась, обтерла слезы и говорить: „Пойду къ Х. Д., поклонюсь ей въ ноги и попрошу, чтобы не уѣзжала. Скажу ей, что у насъ народъ хорошій, а въ Васильевкѣ плохой, что у насъ всѣ-ее любятъ, а тамъ никто еще не знаетъ!“

Я бы не повѣрила всему этому, если бы не знала Пашу—эту тихую, скромную, умную дѣвочку, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, напоминающимъ иконостасную живопись. Мать души въ ней не слышитъ. Еще бы, осталась одна изъ 14-ти. Она рассказывала, что всѣ ея дѣти не доживали болѣе какъ до 12 лѣтъ. Пашѣ теперь 11 и, глядя на нее, невольно является какой то предразсудочный страхъ при мысли: что какъ и эта умретъ? Впрочемъ, чтобы вѣрить въ возмож-

ность этого не нужно быть суевѣрной, стоитъ только посмотрѣть на это прозрачное, малокровное личико, вырванное точно изъ какой-нибудь избѣженной, аристократической семьи, а не мужицкой хаты, въ эти большіе, затуманенные черные глаза съ выраженіемъ: „не отъ міра сего“. Впрочемъ старуха и нѣжитъ ее порядкомъ: „Ужъ я ей ничего не жалѣю, говоритъ она, и курятинѣ жарю и изъ цыплятокъ супецъ варю—лишь бы кушала“.

11-го іюля.

Мнѣ рассказывали сегодня дѣти, что Дуня Попова такъ голосила въ день закрытія школы, что родители рѣшились отвести ее за 10 верстъ въ Бѣлую къ родственникамъ и оставить у нихъ, чтобы она ходила тамъ въ школу. Къ несчастію оказалось, что школа въ Бѣлой закрыта, такъ какъ не подошла подъ постановленіе земскаго собранія и мужики отказались вносить 200 р., не смотря на то, что ихъ тамъ 1000 душъ и на каждого приходилось по 2 к. Отказъ свой они мотивировали такъ: „Пани дадутъ на школу гроши, а потімъ зъ насъ же вывернуть“! (Мнѣ рассказывалъ это потомъ тамошній помѣщикъ).

12-го іюля.

Сегодня былъ у меня староста—приходилъ благодарить за облегченіе его больной дочери. Когда рѣчь зашла обо

всемъ случившемся, онъ высказался самымъ рѣшительнымъ тономъ такъ: „Что становой—пьянюга *), больше ничего! Тутъ главное міръ. Міръ даетъ вамъ одобреніе и на школу и на больницу! Міръ—сила!“

Я боялась говорить съ нимъ больше, мнѣ все чудилось, что кто то слушаетъ меня и обвиняетъ въ пропагандѣ.

30-го іюля.

Почти мѣсяцъ какъ разорено наше бѣдное школьное гнѣздышко. Неужели мнѣ не удастся опять устроить его. Сижу, сложа руки и жду у моря погоды, въ то время какъ разрѣшеніе гуляетъ, вѣроятно изъ училищнаго совѣта въ уѣздную земскую управу, отсюда къ инспектору и догуляется до моего отъѣзда и придетъ сюда тогда, когда я буду поглощена другими дѣлами, другою школою—въ городѣ, а бѣдныя дѣти перезабудутъ выученныя буквы.

3-го августа.

Сегодня мнѣ подали большой пакетъ, за инспекторской печатью, принесенный изъ Михайловской волости.

„Наконецъ то!“ подумала я, съ волненіемъ распечатывая пакетъ и чувствуя на себѣ взгляды радостнаго любопытства дѣтей и всѣхъ окружающихъ, которые также съ волненіемъ

*) Вскорѣ послѣ этого нашъ становой былъ уволенъ отъ должности за пьянство.

слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ.

Распечатавъ, я прочла приблизительно слѣдующее:

Въ дополненіе отношенія моего отъ 13 іюля симъ прошу васъ, милостивая государиня, представить мнѣ полицейское свидѣтельство о вашей благонадежности, какъ главный документъ, дающій право на открытіе школы; въ прошеніи вашемъ отъ 4-го сего іюля вы упоминаете о документахъ вашихъ, между тѣмъ я получилъ копію документовъ нѣкъ не засвидѣтельствованныхъ.

Инспекторъ П—въ.

Послѣ этого извѣстія я опять слегла въ постель съ болью въ печени и отчаяніемъ въ сердцѣ. Правда, я дѣйствительно въ попыхахъ не успѣла засвидѣтельствовать копіи съ документовъ, но вѣдь ихъ видѣлъ становой въ подлинникъ, кромѣ того, въ слѣдъ за этимъ, я отправила ихъ засвидѣтельствованными въ училищный совѣтъ.

Кромѣ того, вѣдь школу открываетъ земство, а не я. Мнѣ не нужно никакихъ кличекъ, я жертвователъ и только.

Мотивы, благодаря которымъ, я желала устроить школу не частную, а непременно земскую, были таковы: я могу ухъать, умереть, между тѣмъ земство—какъ представитель мѣстной интеллигенціи,—навѣрное поддержитъ уч-

режденіе—школу, построенную на рациональныхъ началахъ: въ удобномъ каменномъ зданіи, съ богатыми наглядными пособіями, съ хорошей библіотекой и т. п. Съ этою же цѣлью я перемѣнила свое намѣреніе помѣщать школу въ старомъ домикѣ, а себѣ строить новый и рѣшила жить сама въ старомъ, а для школы воздвигнуть зданіе по всѣмъ правиламъ школьной гігіены.

4-го августа.

Сегодня засвидѣтельствована 15-я уже копія въ волостномъ правленіи. Можетъ этого будетъ достаточно для инспектора народныхъ училищъ. Сегодня же отправлено прошеніе о полицейскомъ свидѣтельствѣ въ Харьковъ.

5-го августа.

Сегодня получила бумагу изъ училищнаго совѣта. Бумага эта чрезвычайно похожа на разрѣшеніе, но по смыслу отношенія инспектора она въ сущности ничто безъ полицейскаго свидѣтельства, этого „главнаго документа для открытія школы“, какъ выражается онъ. Слѣдовательно, счастье мое заключается въ „полицейскомъ свидѣтельствѣ“.

11-го августа.

Мечта моя осуществилась! Сегодня я получила полицейское свидѣтельство изъ Харькова, гласящее, что я „поведенія хорошаго!“

Какое счастье!... Завтра же засви-

дѣтельствую 16 копію съ этого прошенія и отправлю г. П—ву. Вѣроятно съ этимъ окончится мой путь по мытарствамъ.

12-го августа.

Счастіе мое помрачилось, надежды померкли—получено отъ инспектора частное извѣстіе черезъ учителя, что одного „свидѣтельства“ отъ харьковской полиціи недостаточно, необходимо изъ славяносербской. Просила со слезами П., бѣдущаго сегодня въ Славяносербскъ достать мнѣ, если возможно, это свидѣтельство отъ исправника. Обѣщаль.

13-го августа.

Новое извѣстіе отъ инспектора—требованіе доказать, что я дѣйствительно русская подданная. Посылаю эстафету въ Славяносербскъ, нельзя ли совмѣстить полицейское свидѣтельство съ такимъ удостовѣреніемъ?!

14-го августа.

Наконецъ получила 2-ю половину моего благополучія—полицейское свидѣтельство изъ Славяносербска, гласящее, что я поведенія отличнаго и въ довершеніе счастья въ концѣ добавлено, что я дѣйствительно русская подданная. Сегодня отправляю инспектору отвѣтъ и на этотъ новый искъ, что же далѣе? О, навѣрное какое-нибудь новое удостовѣреніе. Это просто какая то „бочка Данаидъ“, наполняя-

ющаяся прошеніями, отношеніями, свидѣтельствами и заявленіями...

17-го августа.

Новое требованіе: доказать, что я православнаго вѣроисповѣданія. Говорятъ, что для этого необходимо мое метрическое свидѣтельство изъ города, гдѣ я родилась—Берзны, 38 лѣтъ назадъ. Берзна эта съ тѣхъ поръ горѣла разъ 20, слѣдовательно врядъ ли возможно будетъ выхлопотать такую метрику. Отправляю, на всякій случай, письмо въ Харьковъ, авось тамъ удастся добыть.

18-го августа.

Письмо отъ родственника.

Только что я получилъ ваше требованіе относительно удостовѣренія въ томъ, что вы православнаго вѣроисповѣданія, какъ явился ко мнѣ вашъ сосѣдъ Г. и сообщилъ слѣдующее: онъ встрѣтился съ г. П—вымъ на желѣзной дорогѣ и тотъ поручилъ ему передать вамъ, что кромѣ бумагъ, доставленныхъ уже вами, настоятельно требуется доказать, что вы законная жена вашего мужа. Постараюсь выхлопотать всѣ эти удостовѣренія и удовлетворить такимъ образомъ вашего чуднаго инспектора.

23-го августа я получила эту бумагу.

Х. Алчевская.

(Продолженіе слѣдуетъ).